

КИНЖАЛ И МОНЕТА

ПУТЬ ДРАКОНА

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

СУРОВАЯ РАСПЛАТА

ТЕНЬ СРЕДИ ЛЕТА

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СРЕДИ ЗИМЫ

ВОЙНА СРЕДИ ОСЕНИ

РАСПЛАТА ЗА ВЕСНУ

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

ВОЙНА
СРЕДИ ОСЕНИ

РАСПЛАТА
ЗА ВЕСНУ

СУРОВАЯ РАСПЛАТА
КНИГА 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
А 16

Daniel Abraham
AN AUTUMN WAR
Copyright © Daniel Abraham, 2008
THE PRICE OF SPRING
Copyright © Daniel Abraham, 2009
Published in agreement with the author,
c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.
All rights reserved

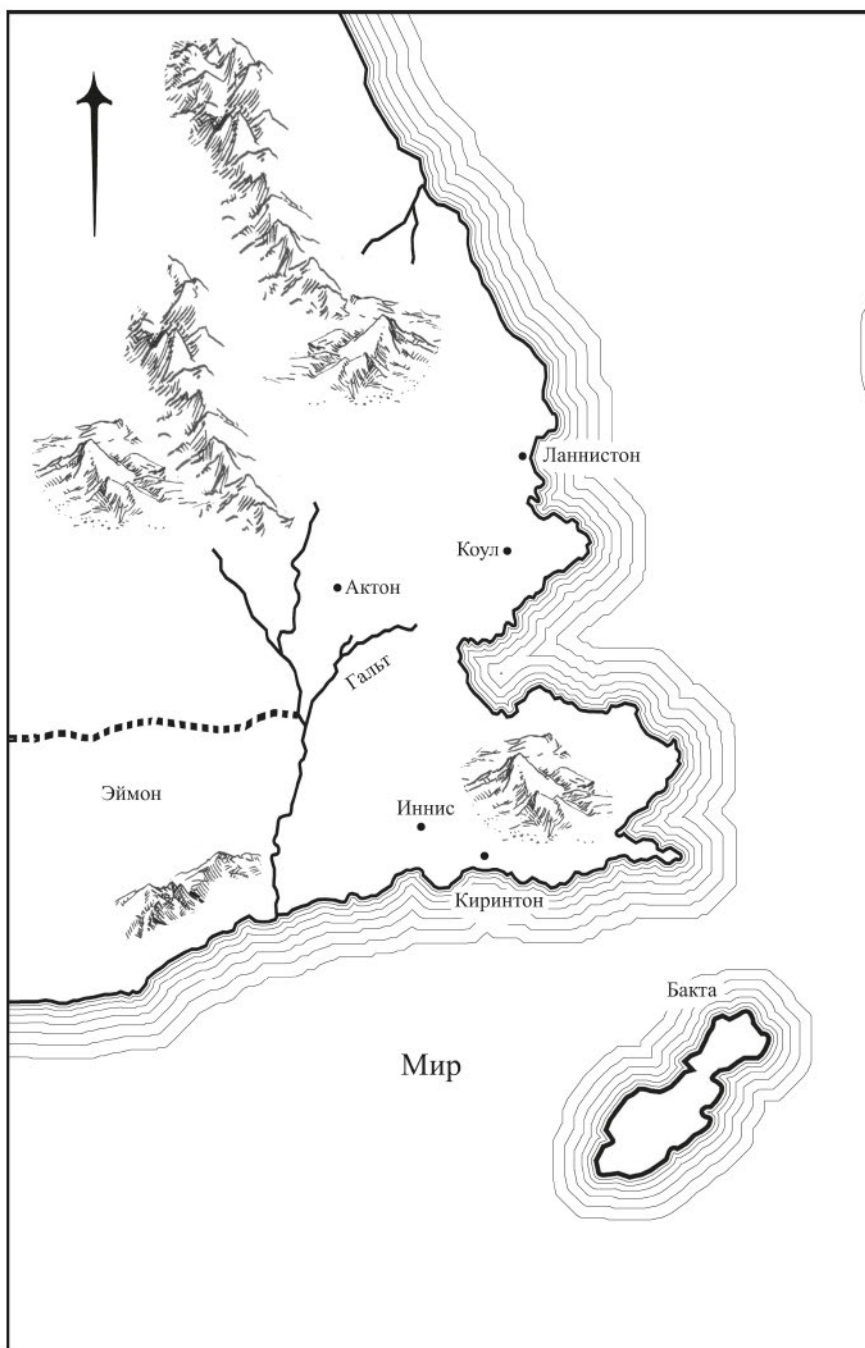
Перевод с английского Светланы Першиной
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Егора Саламашенко
Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-24961-5

© С. В. Першина, перевод, 2011, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

**ВОЙНА
СРЕДИ ОСЕНИ**

Пролог

Двадцать воинов ушли в пустыню. Назад возвращались только трое.

Заходящее солнце растягивало позади них тени, золотым румянцем пылало на щеках, било в глаза. Сил на разговоры не оставалось. Превозмогая усталость и боль, путники в молчании брели на запад. Там, на горизонте, мерцал крошечный огонек. Маяк пограничной башни Дальнего Гальта, стоявшей у самых пределов Империи, указывал им дорогу через пустоши, и каждый без лишних слов понимал, что они не остановятся, пока не достигнут ее ворот.

Тот, что был ниже всех ростом, поправил за спиной котомку. Серая рубаха военачальника на нем обвисла, будто изнеможение вьелось в ткань. Ум проваливался в забытие, в полудрему. Кожаные ремни котомки до крови вгрызались в плечо. Тяжкая ноша погубила семнадцать человек из его отряда. Теперь ему оставалось нести бремя к подножию башни, которая медленно вырастала в лиловом вечернем небе. Он не мог думать ни о чем другом.

Один из его спутников споткнулся и рухнул на колени, прямо на источенные ветрами камни. Предводитель остановился. Он не хотел потерять еще одного. Только не сейчас, не в самом конце пути. И все же он боялся наклониться и помочь упавшему — знал, что вряд ли найдет в себе силы идти дальше.

Хрипя, человек поднялся на ноги. Командир кивнул и снова зашагал на запад.

По низкой выгоревшей траве прошелестел ветерок. Беспощадное солнце скрылось, небо погасло, неисчислимые звезды ледяными свечками зажглись в вышине. Ночь в этих местах приносила холод не менее смертоносный, чем полуденный зной.

Предводителю казалось, что башня не столько приближается, сколько растет, подобно тому, как поднимаются из земли всходы. Сначала она была не больше пальца, потом вытянулась до размеров ладони. Свет маяка, прежде ровный, теперь мигал. Стало видно, как пляшут языки пламени. Наконец командир смог различить рельеф на стене — гигантское изображение Великого Древа Гальгов. Он улыбнулся и почувствовал привкус крови: лопнула кожа на губе.

— Выживем, — прошептал один из воинов, будто не верил собственным словам.

Командир промолчал. Потом, спустя вечность, они услышали приказ остановиться, назвать имена и причину, которая привела их в эту дважды проклятую дыру на окраине мира.

Когда предводитель, в долгом пути отвыкший говорить, подал голос, тот оказался глухим и сирым:

— Ступай к верховному стражу. Доложи, что вернулся Баласар Джайс.

Баласару Джайсу было одиннадцать, когда он впервые услышал слово «андат». Однажды воды реки, протекавшей через отцовские владения, стали зелеными, а потом окрасились алым. Вода поднялась на пятнадцать стоп. Баласар в ужасе наблюдал, как исчезают под ней знакомые поля, дома, дворы и улицы. Казалось, весь мир превратился в зловонный, мутный океан, на поверхности которого, насколько хватало глаз, виднелись только макушки деревьев и трупы — людей и домашней скотины.

Отец собрал семью и лучших работников на верхних этажах дома. Для всех места не хватало. Сначала Баласар умолял спасти лошадь, которую получил от отца в подарок. Когда же ему объяснили всю тяжесть положения, стал просить за лучшего друга, сына деревенского писаря, и снова получил отказ. И лошадям, и друзьям суждено было утонуть. Отец думал только

о семье, о Баласаре, а остальным следовало самим позаботиться о спасении.

Даже через много лет воспоминания о тех шести днях причиняли боль, как незажившая рана. Мимо дома, точно белесые бревна, проплывали распухшие тела. В ноздри бил омерзительный запах разложения. Грязный поток шумел у подножия лестницы, мешая уснуть. В его журчании слышался шепот какого-то неведомого существа — огромного, жуткого. Баласар не забыл, как работники спрашивали, хватит ли припасов, можно ли пить воду, стало ли наводнение естественным следствием далеких ливней или же его вызвал андат, посланный Хайемом.

Что такое андат, Баласар тогда не знал, но ему казалось, что звучание этого слова вобрало в себя вонь гниющих тел, опустошение и разруху. Только позже, когда вода спала, мертвых похоронили, а деревню отстроили заново, он понял, насколько был прав.

Девять поколений взрастили детей с тех пор, как на востоке поднялись друг против друга Повелители Богов, рассказывал Баласару наставник. Гармония, основа мира, была разрушена, а ее предсмертные судороги изменили природу вещей. Война превратила в пустыни цветущие сады и плодородные поля. Даже в таких далеких краях, как Эдденси и Гальт, помнили о месяцах непроглядной тьмы, о погибших посевах и голоде, о том, как в небе танцевали зеленые сполохи, как с треском и грохотом разверзлась земля. Рассказывали, что в ту пору даже звезды изменили свой ход.

Однако беды со временем забывались или их искажала молва. Спустя столетия никто не знал точно, что же случилось в прошлом. Быть может, император обезумел и обратил силу своего бога-призрака — так звали андатов — против собственного народа, а значит, и против себя самого. Возможно, дело было в женщине, жене великого правителя, которую император взял вопреки ее воле. А может быть, она того хотела. Возможно, тысячи мелких интриг, козней и заговоров, которые всегда сопутствуют власти, сыграли свою обычную роль.

Мальчиком Баласар с упоением внимал рассказам об этих таинственных, славных и страшных временах. А когда наставник, помрачнев, сказал, что Повелители Богов оставили после

себя два наследия — пустоши на границах Обара и Дальнего Гальта и города Хайема, чьи жители все еще владеют такими андатами, как Дуновение Холода, Бессемянный и Размягченный Камень, — намек был абсолютно понятен.

То, что случилось, может повториться в любой момент, без всякого предупреждения.

— Так вас это привело сюда? — промолвил верховный страж. — От ученической скамьи до башни — долгий путь.

Баласар улыбнулся и хлебнул горького кафе из простой оловянной кружки. Его комната была тесной, точно келья. За толстыми кирпичными стенами по-прежнему лютровал ветер. Он так и не утихал все три долгих, беспокойных дня, прошедших после возвращения из пустошей. Песчаные бури в молоко исцарапали стекла в оконцах. Раны заживали, ни одна не воспалилась, хотя Баласар был уверен, что на месте язв, натертых ремнем котомки, останутся шрамы.

— Я, вообще-то, мечтал о героических подвигах, — пошутил он.

Страж рассмеялся, но, вспомнив о погибших, посерьезнел. Баласар сменил тему:

— Давно служите тут? И кому перешли дорогу, что вас отравили в этот... милый уголок?

— Восемь лет. Уже целых восемь. Мне не понравилось, как начали вести дела в Актоне. Так я выразил свое недовольство.

— Уверен, в Актоне поняли, кого потеряли.

— Вряд ли. Но ведь я не для них старался.

Баласар хмыкнул:

— Казалось бы, мудрое решение. Однако восемь лет в такой глуши — странный выбор для умного человека.

Верховный страж пожал плечами.

— Не более странный, чем поход в пустоши, — ответил он и после паузы добавил: — Я слышал, там еще бродят андаты.

— Нет, — покачал головой Баласар. — Там другие беды. Последствия того, что они натворили. Есть места, где тебя убивает сам воздух, — один раз вдохнешь, и все в порядке, а при втором чувствуешь, будто что-то вползает в легкие. Есть места, где земля тонкая, как яичная скорлупа, а под ней бездонный провал. Есть живые твари. Те, которых создал андат, или же их от-

родья. Сами призраки всегда уходят вместе с хозяевами. Такова их природа.

Баласар взял оливку, съел мякоть и выплюнул косточку. В шуме ветра ему на миг почудились голоса. Голоса тех, чьей жизнью он пожертвовал. Эти люди верили ему. Пошли за ним, зная, куда он направляется. Коул и Юстин выжили. От Малыша Отта, Бэса, Маярсина, Ларана, Келлема и дюжины других остались только воспоминания и кости. Из-за него.

Баласар тряхнул головой, отгоняя эту мысль, и ветер снова стал просто ветром.

— Простите, генерал, но я не отважился бы на ваш подвиг даже за все золото мира, — признался страж.

— Так было нужно, — ответил Баласар, и по его тону стало ясно, что разговор окончен.

Добраться до побережья оказалось легче, чем они думали. Втроем путешествовать было быстрее, и если дорога из Лотона до башни заняла шестнадцать дней, то на обратный путь потребовалось всего десять. Мертвое однообразие восточных пустошей сменилось мягкими перекатами холмов. Жесткая, выжженная солнцем растительность уступила место голубовато-зеленой, точно холодный океан, траве, которая легкими волнами зыбилась под ветром. Вдоль обочин потянулись фермы. Мельницы качали широкими крыльями, ловя дыхание морских ветров. Дорога стала оживленнее, на ней появились и другие путники: мужчины, женщины, дети. С ними Баласар старался вести себя вежливо и даже дружелюбно. Если все пройдет, как он рассчитывает, здесь ему больше не бывать, но все же события могут снова сложиться иначе.

Когда Баласар вернулся из похода в Западные земли, были ожидания, что его карьера близится к славному концу. Он рассчитывал занять место в Совете или получить должность наставника в одной из военных школ. Осмелился даже мечтать о жизни в каком-нибудь уединенном поместье, подальше от желтого угольного дыма больших городов. Услышав, что инженер и любитель древностей из Дальнего Гальта составил карту, которая указывает дорогу к старым библиотекам, Баласар понял: покой — несбыточная мечта, награда для кого угодно, толь-

ко не для него. Он прибыл сюда, взяв с собой самых лучших: преданных, сильных, умных. Он потерял их здесь. Не только тех, кто погиб, но, возможно, и тех, кто выжил.

В дороге Коул и Юстин молчали. На привалах оба держались почтительно и отчужденно. Ночевали под открытым небом: всем троем было ясно, что холод и голая земля лучше компаний, что собираются в трактирах или на постоянных дворах. Изредка то один, то другой пробовал завести разговор, пошутить или спеть, но эти попытки неизменно оканчивались провалом. В глазах у них застыла отрешенность. Такое же потерянное выражение Баласар замечал раньше у мальчишек, которые, пошатываясь, бродили среди смерти и хаоса по полю своей первой битвы. Коул и Юстин были опытными бойцами. Обоим доводилось грабить города, убивать взрослых мужчин и желторотых юнцов, насиловать женщин. И все же Баласару казалось, что они оставили в пустошах осколок невинности, от которого с каждым шагом уходили все дальше. Баласар не мог предвидеть, чем это обернется, и не хотел оскорблять их мужество лишними расспросами. Ему было достаточно просто знать.

В первый день осени они достигли Парриншела. В порту их ожидало полсотни кораблей: неповоротливые «купцы», перевозившие грузы через просторы южных морей, юркие рыбацкие челноки, сновавшие по гавани, богато украшенные круглые трехпарусники из Бакты, старые посудины Восточных островов. Конечно, порт не шел ни в какое сравнение с гаванями Киринтона, Ланнистона или Сарайкета, однако и этого было вполне достаточно. На любом судне нашлись бы три койки для путешественников, направлявшихся из Дальнего Гальта домой.

— В Актоне будем к концу зимы, — заметил Коул, сплевывая с причала в воду.

Баласар поправил котомку на плече.

— Пожалуй, так, — согласился он. — Если без остановок. Но можно и тут пожить до весны. Или сойти на Бакте.

— Как прикажете, генерал, — сказал Юстин.

— Тогда отправимся напрямик в Актон. Узнайте, какие корабли туда идут и когда отплывают. А мне нужно к начальнику гавани.

— Что-то случилось, генерал?

— Нет, — покачал головой Баласар.

Начальник гавани жил на берегу в длинном доме из красного кирпича. Над аркой широких, окованных бронзой дверей реяли стяги с изображением Великого Древа. Баласар представился секретарю, и тот проводил его в уединенную комнату, куда принесли прохладного вина и сушеных фиг. Баласар попросил перо и бумагу, чтобы написать доклад, и приказал не беспокоить его, пока к нему не придут. Оставшись один, вынул из котомки книги и разложил их на столе у окна, из которого открывался вид на гавань. Фолиантов было четыре: два в переплетах из толстой шершавой кожи, один без обложки и еще один в окладе из неизвестного металла, похожего на серебро и сталь одновременно. Баласар провел рукой по безмолвным томам и сел, размышляя о них и о нравственной дилемме, которую они собой представляли.

Ради этих книг он пожертвовал своими людьми. Конечно, путешествие к руинам Империи было куда опаснее, чем обратный путь в Гальт, и все же предстояло пересечь море, а в нем бушевали штормы, рыскали пираты, случались другие напасти. Если он хочет сохранить книги, лучше всего переписать их здесь, в Парриншеле. Тогда они не пойдут на дно вместе с Баласаром, если ему суждено погибнуть. Знание, скрытое в них, будет спасено.

И это наводило на мысль, что копии делать не стоит. Баласар открыл самую толстую из двух книг в кожаных переплетах. Страницы покрывала плавная вязь письма Старой Империи, а не упрощенный шрифт, которым в Хайеме пользовались для сделок с чужеземцами, такими как сам Баласар. Заметив символы, которые в детстве показывал ему наставник, он нахмурился.

В андате имеют место два вида невозможных качеств. Первые суть мысли, не поддающиеся уразумению, вторые не подлежат пленению по своей сути.

Перевод был грубым, но вполне сносным. Да, это те самые книги, которые он искал. Именно поэтому нужно понять, что опаснее: потерять их или сохранить? Баласар закрыл книгу и подпер голову руками. Он, конечно, знал, что сделает. Знал еще до того, как отправил Юстина и Коула искать корабль. И даже до того, как они прибыли в Дальний Гальт.

Он медлил, потому что осознал свою гордыню. В истории было немало людей, считавших, что уж их-то чистую душу ни за что не погубят могущество и власть. Баласар не хотел попасть в их число, а что в итоге? Он завладел тайнами, которые могут изменить мир. Человек простой на его месте обратился бы за советом к мудрым или, по крайней мере, остерегался бы использовать эту силу. А Баласару уже казалось, что расставаться с книгами так же глупо, как и подвергать их опасности. Он не доверил бы котомку даже Юстину или Коулу, даже тем, кто отдал жизнь за его дело. Баласар прекрасно понимал, что это означает.

Он взял перо, чтобы начать доклад и в некоем роде исповедь.

Юстин сломался на третью неделю плавания.

Их окружал пустынный, бескрайний как небо водный простор. Корабль ушел далеко на юг. В этих широтах вода оставалась чистой, а воздух теплым, даже несмотря на то, что дни становились все короче. Птицы, провожавшие судно от Парриншела, исчезли. Из представителей животного мира остался один пес без лапы, которого моряки взяли с собой на счастье. Не было на борту и женщин. Только пропахшие потом матросы среди бескрайнего моря.

Скрип и стон снастей выводил Баласара из себя. Морские путешествия ему никогда не нравились. В сухопутных кампаниях удобства было не больше, но там он хотя бы каждый день останавливался на ночлег в новом селении, а дерево, под которым он спал, росло на склоне нового холма. Здесь, в окружении водной пустыни, ему казалось, что корабль стоит на месте.

Движение судна отмечал только пенный след за бортом, единственное доказательство того, что плавание когда-нибудь закончится. Баласар часто сидел на корме, утешаясь видом этой белой дорожки. Время от времени он брался за перочинный нож, вырезал фигурки из брусков воска. Его ум притупился от безделья и скуки, мысли блуждали где-то далеко.

То, что Юстин и Коул не справятся с этим гнетом, не должно было стать неожиданностью. И все же Баласар не догадался, в чем дело, когда однажды ночью к нему прибежал перепуганный матрос. Тараща глаза, моряк затараторил, что Юстин сидит

в каюте с ножом наголо и угрожает убить не то себя, не то несчастную собаку. В обычной ситуации его бы отлупили палками до беспамятства и выкинули за борт, но поскольку Юстин оплатил путешествие, команда решила обратиться к старшему, чтобы тот сам уладил дело. Баласар отложил в сторону незаконченную восковую рыбку, сунул нож за пояс и кивнул, как будто речь шла о чем-то совершенно обычном.

Все оказалось не так страшно, как он думал. Юстин сидел на лавке. В одной руке у него был конец веревочной петли, накинутой на шею собаки, в другой — походный кинжал. Вокруг в напряженном молчании замер десяток матросов, вооруженных дубинами и ножами. Не обращая на них внимания, Баласар взял низкую табуретку, поставил ее точно напротив Юстина и сел.

— Генерал, — произнес тот.

Голос был тихий, безжизненный, как у смертельно раненого.

— Мне сказали, ты с псом чего-то не поделил.

— Он съел мой суп.

Один из матросов многозначительно кашлянул. Юстин прищурился и стрельнул глазами на звук. Баласар поспешил продолжить:

— Коул на днях стащил у тебя полбутылки вина. Ты же не стал его убивать.

— Пес не крал мой суп, генерал. Я ему отдал.

— Отдал?

— Так точно.

В каюте было тесно и душно, как в гробу. Баласар подумал, что соображал бы гораздо лучше, если бы вокруг не толпилось столько людей, если бы воздух не был таким спертый от их дыхания. Он закусил губу, стараясь подобрать подходящие слова, чтобы разрядить обстановку и урезонить обезумевшего Юстина. В конце концов помогло молчание.

— На что ему такая жизнь, генерал? — промолвил тот. — Он калека, тварь несчастная. Нехорошо, что пес так мается. Пусть умрет достойно. Хотя бы достоинство должно быть, если уж ничего больше не осталось.

Собака заскулила и потянулась к Юстину. Баласар видел в ее глазах страдание, но не страх. Животное чувствовало в голосе

Юстина боль, которую не замечали матросы. Все вокруг были на взводе, готовы ринуться в драку. Все, кроме Юстина. Он не сжимал в руке нож, просто держал. Его мышцы окаменели, но это было совсем не то напряжение, которое сковывает тела в горячем бешенстве боя. Он скорее оцепенел, как мальчишка в ожидании оплеухи или смертник при виде виселицы.

— Оставьте нас. Выйдите все, — приказал Баласар.

— Пускай Треножника отпустит! — отозвался один из матросов.

Баласар посмотрел Юстину в глаза и с удивлением осознал, что сделал это впервые с тех пор, как они выбрались из пустошей. Наверное, стыдился того, что мог увидеть в этих глазах. Возможно, стыд и стал причиной того, что происходило сейчас. Он был в ответе за Юстина, а значит, и за страдания, которые тот испытывал. Делать вид, что ничего не замечаешь, — слабость и глупость, а за слабость и глупость всегда приходится платить.

— Отпусти собаку. Она тут ни при чем, и матросы тоже, — попросил Баласар. — Давай поговорим. Если потом захочешь умереть, я тебе помогу.

Юстин вгляделся ему в глаза, как будто хотел проверить, нет ли подвоха, сможет ли Баласар действительно его убить. Когда Юстин прочел ответ, его широкие плечи поникли. Он выпустил из рук веревку, и пес растерянно закружился по комнате.

— Забирайте его и уходите, — сказал Баласар, не глядя на матросов.

Они попятились и один за другим покинули каюту, не сводя глаз с Юстина и кинжала в его руке. Баласар подождал, пока за ними не закроется низкая дверь. Корабль скрипел, с палубы доносились голоса. Масляный светильник покачивался на цепи. Теперь Баласар молчал намеренно. Он ждал. Юстин вопросительно посмотрел на него, потом невидяще уставился куда-то в пространство — и вдруг тихо заплакал. Баласар придвинулся и положил руку ему на плечо.

— Они приходят ко мне, командир.

— Знаю.

— Я ведь тысячу раз видел, как люди гибнут, по-всякому бывало, но... то на войне, в бою.

— Это разные вещи, — сказал Баласар. — Ты поэтому хотел, чтобы тебя за борт вышвырнули?

Юстин медленно поворачивал кинжал, разглядывая отблески лампы на лезвии. Слезы еще катились по щекам, лицо помертвело и осунулось. Баласар попытался представить, кого из погибших Юстин видит сейчас, кто из них стоит рядом, и почувствовал на себе застывшие взгляды. Они все в каюте, столпились, как до этого — матросы.

— Думаете, они погибли с честью? — выдохнул Юстин.

— Не знаю, что такое честь, — отозвался Баласар. — Мы сделали то, что было необходимо. Нам выпало сыграть эту роль. Мы все за нее дорого заплатили. И я, и ты, и Коул. Но дело не закончено, поэтому придется потерпеть еще немного.

— Необходимо, генерал? А по-моему, никакой нужды не было. Ну, захватим больше пленников, разграбим еще несколько городов. Да, знаю, в мире нет их богаче. Всего один город Хайема принесет в казну Верховного Совета больше денег, чем мы выручим за целый сезон в Западных землях. Но сколько золота нужно, чтобы выкупить Малыша Отта из ада? И почему я не могу пойти за ним сам?

— Дело не в золоте. У меня достаточно денег, чтобы припеваючи дожить до глубокой старости. Золото — просто средство, мое средство, чтобы заставить людей делать, что нужно.

— И честь — тоже средство?

— И слава. Все это средства. Мы с тобой мужчины, Юстин. Нам незачем врать друг другу.

Ему наконец удалось привлечь внимание Юстина. В глазах у того была растерянность — растерянность и боль, — но призраки его оставили.

— Тогда зачем, командир? Зачем нам все это?

Баласар подался назад. Он еще никогда не говорил об этом вслух, не объяснял никому свои мотивы. Все та же гордость. Он одержим ею. Именно гордость заставила его взвалить себе на плечи это задание, долг перед миром, исполнить который ни у кого не хватило бы духа.

— Империя пала. И не бог так судил — ее разрушили люди. Те самые, которые держат на привязи карманных божков. Такие люди еще остались. Они живут в каждом городе Хайема,

и там на них смотрят как на тягловых лошадей, пользуются их силой, чтобы питать свое тщеславие и могущество. Если захочется, они натравят андатов на нас. Навеки укроют снегом наши поля, затопят земли, сделают все, на что воображения хватит. Могут повернуть против нас даже мир — так же просто, как мы управляемся с кинжалом. И знаешь, почему они до сих пор так не поступили?

Юстин заморгал, обескураженный злобой в голосе Баласара.

— Нет, командир.

— Потому что им это в голову не пришло. Вот и вся причина. А еще они могут наброситься друг на друга. И тогда в пустоши превратится все, что угодно: Актон, Киринтон, Марш. Любой город или селение. Нам просто повезло, что этого еще не случилось. Но рано или поздно кого-то из них обязательно одолеет безумие или гордыня. И тогда нам не позавидуешь, как муравьям на поле брани, которых кони втаптывают в грязь. Вот почему я говорю о необходимости. Мы с тобой должны позаботиться, чтобы этого не произошло.

От собственных слов у него закипела в жилах кровь. Стыд и неуверенность испарились. Баласар по-волчьи ослабилась. Если его ведет гордость, пусть будет так. Без гордости никто не преуспел бы в такой службе.

— Когда я доведу дело до конца, хайемские боги-призраки станут всего лишь страшилками для непослушных детей. Вот ради чего погиб Малыш Отт. Не ради денег, завоеваний или славы. Я спасаю мир. Ну, что выбираешь? На дно — или мне помогать?

Абрахам Д.

А 16 Суровая расплата. Кн. 2 : Война среди осени ; Расплата за весну : романы / Дэниел Абрахам ; пер. с англ. С. Першиной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 768 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-24961-5

Третий и четвертый романы тетралогии об уникальном фэнтезийном мире, чье выживание зависит от магии, а магия самым невероятным образом связана с поэзией. От соавтора эпической космооперы «Пространство» и участника межавторского проекта «Игра престолов».

ВОЙНА СРЕДИ ОСЕНИ

Ота Мати, правитель города-государства Мати, потратил годы, пытаясь подготовить свой народ к радикальной перемене в судьбе. Он понимал, что андаты, эти сверхъестественные существа, обеспечивающие людям процветание и защиту, рано или поздно прекратят свое служение и больше не дадут себя подчинить. Но его усилий оказалось недостаточно, к тому же они запоздали. За морем, во враждебном Гальте, обрел власть и силу бесстрашный и безжалостный полководец, нашедший способ совершить немислимое — изгнать андатов из мира.

РАСПЛАТА ЗА ВЕСНУ

Прошло пятнадцать лет после опустошительной войны, которая погубила поэтов и заставила исчезнуть их могущественных рабов — андатов. Император Хайема пытается закрепить чудом достигнутый мир брачным союзом между своим сыном и дочерью высокопоставленного гальта. Но Маати, уцелевший поэт, в изгнании не смирился с итогом войны и, презрев традиции, решил обучить новых поэтов. Его цель — любой ценой сотворить андата и восстановить мир, каким тот был до катастрофы.

Заключительный роман тетралогии — впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

СУРОВАЯ РАСПЛАТА

Книга 2

ВОЙНА СРЕДИ ОСЕНИ

РАСПЛАТА ЗА ВЕСНУ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Золотова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 04.02.2026.
Формат издания 60 × 88¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.aoampk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-ZNF-33947-01-R